

Пути Россіи

ИМПЕРІЯ.

II.

Если имперскій народъ царелюбивъ и рабски преданъ своему государю, почему два вѣка народныя волненія сотрясаи Имперію? — Безпристрастный историческій анализъ народныхъ волненій эпохи Имперіи до конца подтверждаетъ вышесказанное. Что такое Пугачевское движеніе, охватившее пятую часть населенія Имперіи и потрясшее ее до основанія? — Русскій бунтъ, безмысленный и беспощадный, — говоритъ царскій исторіографъ А. С. Пушкинъ. Возстаніе народа противъ крѣпостной деспотіи, — думала свободолюбивая русская интеллигенція. На самомъ дѣлѣ, это было не такъ. Императрица Екатерина II, въ царствованіе которой развернулось Пугачевское движеніе, взошла на престолъ на штыкахъ гвардіи. Законный императоръ Петръ III былъ схваченъ ея сторонниками, силой вынужденъ подписать отреченіе и запертъ въ Ропшѣ. А затѣмъ былъ опубликованъ манифестъ о его смерти. Но въ народѣ шла молва, что императоръ не умеръ, а живъ и скоро «объявится». Въ 1773 году молва подтвердилась: на далекой окраинѣ имперіи, въ Яицкой степи, государь объявился. Знали ли ближайшіе сподвижники новоявленнаго государя, что онъ не подлинный, а обманнй? — Нѣсколько человекъ знали. «Это де не государь, — говорилъ яицкій казакъ Караваневъ казаку Зарубину, — а донской казакъ, и вмѣсто государя за насъ заступитъ, — да намъ де все равно, лишь бы быть въ добрѣ». «Хоша де ты и донской казакъ, — говорилъ Зарубинъ самому Пугачеву, — только де мы уже за государя тебя приняли, такъ тому де и быть». Но такихъ, «кои о злодѣѣ знали», было «человѣка три-четыре». Осталь-

*) См. «Совр. Записки» № № 2, 4, 7, 9, 12, 14, 18, 22, 32, 48.

ные вѣрили, какъ въ Божью правду, что невѣдомый человекъ, сказывающій себя государемъ Петромъ Федоровичемъ, истинный, подлинный государь, «изъ неизвѣстности, по прежнему, на монаршій престолъ восходящій». Когда распространилась молва, что государь объявляется, въ народѣ «великое сомнѣніе стало»: подлинно ли то Петръ III императоръ или злодѣй-самозванецъ? Одни называли проявившагося человека самозванцемъ, а другіе говорили, что онъ не самозванецъ, а, въ подлинну, государь Петръ Федоровичъ. «Мы, на степи находящіеся люди, — писали киргизы, — не знаемъ: сеѣ ѣздящій — воръ ли, или рѣченный государь самъ?» «Какъ бы намъ, — говорили казаки въ отвѣтъ на уговоры атамана, что къ нимъ приближается самозванецъ, — вмѣсто Пугача не поднять рукъ на помазанника Божія императора Петра III». «Какъ де мы, по нынѣшнему слыху, паче чаянія, — шептались колеблющіеся, — ежели, дѣйствительно, узнаемъ и увидимъ, что истинно государь Петръ Федоровичъ, такъ противъ Его Величества вооружаться не будемъ... Намъ на помазанниковъ Божіихъ и нашихъ государей монарховъ рукъ поднять не можно... А какъ де окажется заподлинно какая-нибудь персона, назвавшись именемъ государя императора Петра фальшиво, ...то не только де тѣло его и съ его общниками истребимъ смертно, но и души ихъ... проклинать будемъ до вѣка и вручимъ ихъ страшному суду Божію». Потому, прежде чѣмъ склониться на чью-либо сторону, — государыни иль государя, — простые люди и казаки долго допытывались: подлинно ли то государь, почитавшійся умершимъ, или самозванецъ. Первымъ людямъ, — казакамъ, — которымъ государь открылся, онъ показывалъ на тѣлѣ «царскіе знаки» на груди, на лѣвой сторонѣ, два пятна, да на правой одно. На казакѣ знаки произвели сильно впечатлѣніе, а казака Мясникова «такой страхъ обуялъ, что ноги и руки затряслись». Всѣ ли цари съ такимъ знакомъ родятся, — спрашивали казаки государя, — или это послѣ Божіимъ изволеніемъ дѣлается? — Не ваше это дѣло, мои други, — отвѣчалъ государь, — простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ. — Про свое прошлое государь рассказывалъ: По ненависти бояръ я лишень былъ царства. На меня вознегодовали государыня и бояре, оттого я и ушелъ. Вознегодовали же на меня бояре за то, что я началъ было поступать съ ними строго. Главная де причи-

на — вотъ чѣмъ я имъ былъ не любъ: многіе де изъ бояръ-то, молодые люди и середовичи..., годные бы еще служить, взявши себѣ чинъ, пойдутъ въ отставку, да и живутъ себѣ въ деревнѣ съ крестьянами, разоряютъ ихъ. . такъ я де сталъ таковыхъ принуждать въ службу и хотѣлъ де отнять у нихъ деревни, чтобъ они служили на одномъ жалованіи... Вотъ де за это они и стали надо мною копать яму и выдумали вотъ что на меня — будто бы я хотѣлъ церкви переобратить въ кирки, чего де у меня и въ мысляхъ не бывало; я де съ церковей велѣлъ кресты снять, тѣ, которые сдѣланы крыжемъ, такъ, какъ на киркахъ бываетъ, а вмѣсто ихъ поставить настоящіе кресты, такъ, какъ Божественное писаніе повелѣваетъ. А она, подъ тѣмъ то де видомъ, что будто я — беззаконникъ, свергли меня съ престола и, заарестовавъ въ Ранбовѣ, привезли въ Петербургъ, а оттуда заслали и самъ не знаю куда. Но, дай де Богъ здоровья караульному офицеру, онъ меня выпустилъ, и съ тѣхъ де поръ я странствовалъ — тому назадъ 13-ый годъ; и былъ въ Польшѣ, въ Цареградѣ, во Ерусалимѣ, и напы Римскаго и на Дону, и много въ это время потерпѣлъ я нужды, былъ и холоденъ, и голоденъ... Примѣчалъ, что вездѣ народъ разоренъ, и развѣдывалъ тайно обиды и отягощенія крестьянства отъ бояръ и заводчиковъ; и еще, было де, хотѣлъ три года о себѣ не дать знать, что живъ, но не могъ претерпѣть народнаго разоренія и тягостей и принужденъ себя объявить. — Чтобы узнать правду о государѣ, казаки и заводскіе крестьяне посылали къ нему лучшихъ людей, которымъ строго наказывали: провѣдать отъ людей знающихъ, подлинно ли онъ государь. Посланные, возвратясь, говорили, что онъ подлинно государь — при немъ есть такіе люди, которые въ гвардіи служили и его видѣли. При осадѣ Осы майоръ Скрипицынъ выслалъ изъ крѣпости отставнаго гвардейца для опознанія злодѣя, не государь ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Пугачевъ переодѣлся въ простое казачье платье, поставилъ въ рядъ казаковъ, челоуѣкъ съ двадцать, сталъ самъ между ними и приказалъ привести посланца изъ крѣпости. Посланецъ, осмотря порознь каждаго, оставилъ глаза на Пугачева. «Что старикъ? узналъ ли ты меня?» — спросилъ Пугачевъ. — «Богъ знаетъ, — отвѣчалъ тотъ, — какъ теперь признаешь! Въ то время былъ ты помоложе и безъ бороды, а теперь въ бородѣ и постарѣе»... И, посмотрѣвъ еще пристально: «Мнѣ де кажется, что Вы по-

ходите на государя». А, на другой день, придя снова изъ крѣпости и смотря на государя, закричалъ громогласно: «Теперь я узнаю, что Ты подлинно нашъ надежа-государь!» И только твердо укрѣлившись въ вѣрѣ, что передъ нимъ — истинный, подлинный, законный государь, шли къ нему имперскіе люди — казаки и крестьяне, заводскіе и помѣщичьи, и священники съ церковнымъ причтомъ, и даже офицеры-дворяне. Шли съ любовью и радостью, обливаясь слезами, съ хоругвами и крестами, и колокольнымъ звономъ. Шли не какъ бунтовщики и разбойники противъ освященной власти, а какъ вѣрнопопдаанные рабы, по прежней своей присягѣ, подъ скипетръ и корону законнаго государя преклонившіеся. «Симбирскаго и Пензенскаго уѣздовъ чернь вся заразою дышетъ, — писалъ въ своемъ репортѣ кн. Голицынъ, — утверждаясь по своей глупости и по обольщенію самозванца, что онъ — самый покойный государь». «Невѣроятно, съ какой ревностью собираются къ нему толпы», — доносилъ Потемкинъ. «Намъ, братцы, открывається свѣтъ, — говорили сами казаки, — сказывали, что императоръ Петръ Федоровичъ умеръ, а онъ живъ». Законному государю императору Петру Федоровичу, изъ потерянныхъ, по прежнему, на царство восходящему, и служили вставшіе за него люди. «Всѣ безъ извѣстія почитали его прямо за истиннаго государя Петра III», — показывалъ на допросѣ любимецъ Пугачева и судья «Военной Коллегіи» казакъ Иванъ Твороговъ. «Всѣ его за настоящаго государя признавали, въ мысляхъ таковыхъ: какъ бы можно простому человѣку такимъ высокимъ именемъ называться», — показывали казаки братья Щучкины. «Служилъ самозванцу вѣрно, почитая его за истиннаго государя», — показывалъ казакъ Банновъ. А крѣпостной крестьянинъ Черновъ на «пристрастномъ» допросѣ «подъ жестокимъ мученіемъ во все продолжительное время упорствовалъ назвать Пугачева злодѣемъ, почитая его именемъ государя Петра III»; и только наконецъ, «не отъ угрызенія совѣсти, но отъ нестерпѣнія мученія назвалъ его злодѣемъ». И не только простые крестьяне и казаки, но и офицеры-дворяне: «Признаюсь чистосердечно, — показывалъ майоръ Герасимовъ, — что я и самъ при семъ случаѣ поколебался было въ мысляхъ, думая, что Пугачевъ и въ самомъ дѣлѣ государь, какъ въ томъ утверждало меня сіе..., что вся чернь вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, прилѣплялась къ нему безъ сумнѣнія». «Не утаиваю предъ

всемиловѣйшей государыней моей, — показываль майоръ Салмановъ, — какъ передъ Богомъ, моихъ тогдашнихъ мыслей, что я не надѣялся никакой лжи быть, а думаль увидѣть государя». Государемъ Петромъ Федоровичемъ, всероссійскимъ «Третьимъ Императоромъ» и вошелъ въ народное сознаніе «государственный злодѣй и бунтовщикъ» Пугачевъ. Даже тогда, когда движеніе было подавлено и «возмущенная чернь уже возвращена была въ безмолвственное всеподданническое повиновеніе», многіе изъ народа вѣрили: государь не казнень, а живъ и, рано или поздно, снова объявится. Когда Пушкинъ, собирая матеріалы для «Исторіи Пугачевского бунта», спросилъ стараго казака въ селѣ Бердѣ: — А ну ка, дѣдушка, расскажи намъ, сдѣлай одолженіе, про Пугача, — старикъ отвѣтилъ: «Для кого Пугачъ, Ваша милость, а для меня царь-батюшка Петръ Федоровичъ». «Довѣріе, произведенное къ себѣ этимъ историческимъ злодѣемъ, — рассказываль Пушкинъ о своемъ путешествіи по Оренбургской губерніи, — до такой степени было сильно, что нѣкоторые самовидцы говорили ему лично съ полнымъ убѣжденіемъ, что Пугачевъ былъ не бродяга, а законный царь Петръ III и что онъ только напрасно потерпѣлъ наказаніе отъ злости и зависти людей». И еще въ 1852 году въ Новочеркасскѣ, рассказывая писателю Сологубу о посѣщеніи наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, одинъ казакъ прибавилъ: «Ужъ какъ мы были счастливы, какъ счастливы увидать его свѣтлыя очи, вѣдь съ тѣхъ поръ, что отцы видали царя Петра III, мы больше царей у себя не видали».

Почитая «отъ земли потеряннаго» и снова народомъ обрѣтеннаго государя за подлиннаго, истиннаго, имперскіе люди и служили ему такъ, какъ служили прежнимъ государямъ ихъ отцы и дѣды, и какъ подобаеть служить вѣрноподданнымъ рабамъ ихъ отъ Бога данному государю: съ любовью и трепетомъ, вѣрою и правдою, по строгому имперскому православному чину. Когда въ селеніе приходила вѣсть, что государь приближается, старики и выборныя власти — старосты, сотскіе, десятскіе — люди степенные и пожиточные, готовили ему встрѣчу, какъ требовали царскіе указы, «съ пристойной церемоніей», какъ долгъ присяги повелѣваетъ: выходили со всѣмъ міромъ за околицу въ поле, со священниками и церковнымъ причтомъ въ облаченіи, съ крестами, иконами и хоругва-

ми. Звонили колокола, гремѣли салюты изъ ружей, преклонялись знамена — всѣ становились на колѣни и кланялись въ землю. Государь, подѣхавъ, прикладывался къ кресту и принималъ хлѣбъ и соль. Многіе со слезами цѣловали ему руки. Затѣмъ государь съ народомъ шли въ церковь. Тамъ служили молебенъ, поминали о здравіи государя Петра Федоровича, наследника цесаревича Павла Петровича и его благовѣрной супруги, и народъ приносилъ присягу, — давалъ клятвенное обѣщаніе «Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Императору»: «вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови». Такъ бывало всюду при всѣхъ встрѣчахъ и не только самого государя, но и его «генераловъ». «Сего декабря 25 числа, — доносили въ «Военную Коллегію» атаманъ Араповъ, — подъ городъ Самару подошелъ, изъ коего города всѣ жители, вышедъ ко мнѣ навстрѣчу, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со святыми образами, съ моленіемъ встрѣтили... и всѣмъ соборомъ въ соборной церкви, по прочтеніи манифеста, молебное о здравіи Его Императорскаго Величества пѣніе произвели». «На походѣ злодѣя отъ Саратова къ Царицыну, — показывалъ на допросѣ майоръ Салмановъ, — не только что на самой дорогѣ, ...но и со стороны выходили попы съ мужиками на поклонъ съ хлѣбомъ и солью, становясь на колѣни, кланялись въ землю, просили, какъ у государя, покровительства». «Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Нашему Императору Петру Федоровичу» — доносили въ покорнѣйшемъ репортѣ «полковникъ» Бахтіаръ Канкеевъ. — Въ Казанскомъ уѣздѣ, всякаго рода люди, «всѣ въ службу готовы со всякой охотой, большіе и малые... встрѣчаютъ хлѣбомъ да солью, со слезами плачутъ, радуются, милостивѣйшему тебѣ Императору на много лѣтъ здравствовать всѣ отъ Бога желаютъ». Такъ встрѣчали своего обрѣтеннаго государя имперскіе люди и не только простые, но и купцы, и духовные. Въ городѣ Темниковѣ купечество встрѣтило «злодѣевъ» «со святыми образами, и священники со всѣмъ церковнымъ причтомъ, стоя на колѣняхъ, присягали». По донесенію Панина, гдѣ проходилъ Пугачевъ или его отряды, изъ духовнаго чина «не было почти ни одного человѣка, который бы не встрѣчалъ злодѣя со крестами и не дѣлалъ бы служенія съ произношеніемъ имени самозванца». «Удивительно мнѣ,

— доносилъ секундъ-майоръ Келлинъ кн. Щербатову, — что не токмо крестьяне, но и священническіе и монашескіе, и архимандритскіе чины дѣлають всему государству возмущенія, ...помяная его, измѣнника, злодѣйское и варварское имя въ службѣ Божіей, при литургіяхъ и молебнахъ». — Какъ въ Московскомъ царствѣ и при прежнихъ государяхъ, такъ было и при Третьемъ Императорѣ, «беззаконно лишенномъ престола» и вновь на отеческій престоль восходившемъ: имперскіе люди почитали его, какъ Божьяго намѣстника и помазанника, и преклонялись передъ нимъ, какъ передъ святыней.

Какъ сознавалъ себя самъ возставшій изъ мертвыхъ «Императоръ»? На чемъ строилъ свою власть — на Божьей волѣ и помазаніи или на волѣ народной? Пришелъ ли онъ разрушить законъ и порядокъ? Истребить православную вѣру? Дать волю черни? Правду ли говорила Екатерина, называя его въ своихъ обращеніяхъ къ народу «врагомъ Бога, церкви и отечества»? — Историческія показанія даютъ на это отвѣтъ ясный и не допускающій сомнѣнія. «Божьей милостью, Мы, Екатерина II», — писала въ своихъ манифестахъ императрица Екатерина Алексѣевна. «Божьей милостью, мы, Петръ III», — писалъ въ своихъ манифестахъ «императоръ» Петръ Федоровичъ. «Богъ и Я», — писала въ указахъ императрица. «Богъ и Я», — писалъ въ указахъ императоръ. «Отъ руки Божіей пріяли Мы всероссійскій престоль», — писала императрица. «Всемогушій Господь неизреченными своими праведными судьбами паки возвести насъ на всероссійскій престоль соизволяетъ и нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, а завистниковъ общему покою подъ ноги наши повергаетъ», — писалъ императоръ. Императрица Екатерина II взошла на престоль «для обороны православнои вѣры», ибо: низвергнутый императоръ «не имѣлъ... въ сердцѣ своемъ слѣдовъ Вѣры Православной Греческой...», коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ свою персону Церковь Божію и моленіе...»; — и уже будучи на престолѣ, почиталась народомъ, какъ государыня благочестивая, «вѣры защитница, Церковь и Отечество матернимъ покровомъ покрывшая и сохранившая». Для обороны православнаго закона вступалъ на престоль и «императоръ Петръ III», ибо: «Отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ древняго святыхъ отцовъ преданія законъ хри-

стіанскій совѣтъ нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того отъ ихъ злого вреднаго вымысла съ нѣмецкихъ обычаевъ введенъ въ Россіи другой законъ и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ, какъ въ крестѣ такъ и въ прочемъ, неистовства»; — и, шествуя «для принятія всероссійскаго престола въ царствующій градъ Москву», строгими указами защищалъ церковь и вѣру. «Вамъ, вѣрноподаннымъ Его Величества рабамъ, — писалъ въ указѣ «Самодержца Всероссійскаго» полковникъ Иванъ Твороговъ. — Всякаго званія люди — башкирцы или мещеряки, россійскимъ церквамъ Божиимъ... раззоренія бы никакого не оказывали. Да и отъ вѣры христіанскаго закона, кто будучи въ немъ, отъ того не отпадать. А кто противу сего учинитъ нарушеніе христіанской вѣры, таковыя примуть отъ Его Величества за нарушеніе законъ: тяжчайшія истязанія». «Нѣкоторые изъ христіанъ и новокрещенныхъ, — писалъ «главный предводитель войска» Иванъ Кузнецовъ, — по увѣщеванію мосульманъ восходили въ ихъ законъ, а церковнослужители, будучи въ семъ страхѣ, оставляли при церквахъ Богу возблагодареніе и въ моленіяхъ пѣніе. Я усмотрѣлъ сей развратъ... и тѣхъ же минулъ повелѣлъ безъ страха по христіанскому нашему закону оное всеневно служить и для здравія Его Императорскаго Величества... молебственное пѣніе чинить, а обратившихся къ невѣрію, по разсмотрѣнію винъ, штрафовать». «Что за прибыль быть православнымъ христіанамъ въ междуусобіи и браняхъ и проливать кровь неповинныхъ?.. — писалъ полковникъ главной арміи Иванъ Грязновъ. — Развѣ мы не сыны церкви Божіей? Опомнитесь други и братья о Бозѣ!» — Какъ для имперскихъ людей, такъ и для ихъ обрѣтеннаго императора: Божья воля и православная вѣра — основа власти и всего государственнаго строенія.

Такъ же строго охранялъ обрѣтенный императоръ и весь имперскій чинъ государственнаго властвованія и управленія. Самъ императоръ — «Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій» — «Самодержецъ Всероссійскій». Его военный совѣтъ — «Государственная Военная Коллегія»; приближенные и военачальники — сіятельные князья и графы: Зарубинъ — графъ Чернышевъ, Шигаевъ — графъ Воронцовъ, Овчинниковъ — графъ Панинъ. Его подданные — низайшіе, недостойные и вѣрные рабы. Вѣрноподанные рабы служатъ своему Богу дан-

ному императору, какъ служили — и они, и предки ихъ, — прежнимъ природнымъ государямъ, — по присяжной рабской должности: головами своими и всей душою, не щадя силъ, до послѣдней капли крови. Милосердный императоръ награждаетъ своихъ вѣрнопопданныхъ рабовъ за ихъ усердную и безпорочную службу своей монаршей милостью: чинами и жалованіемъ. Кто изъ подданныхъ, помня долгъ присяги и желая общаго покоя, признали своего государя и преклонились его власти, тѣ должны быть въ безропотномъ повиновеніи у его начальниковъ. должны блюсти законъ и порядокъ и не чинить напрасно никому притѣсненій и обидъ: «вѣрнопопданные Его Величества не чинятъ обидъ никому, токмо измѣнникамъ»; за что они будутъ, какъ вѣрные и добрые рабы и истинные сыны отечества, защищены и охранены — жизнь ихъ и имущество. — въ силу государственныхъ законовъ, всей строгостью монаршаго правосудія. Кто изъ подданныхъ окажутся своимъ начальникамъ противны и будутъ чинить неповиннымъ людямъ налоги и притѣсненія, а, особенно, кто, забывъ долгъ присяги и не хотя быть послушными рабами, волѣ Его Императорскаго Величества не покорятся, тѣ, какъ злодѣи, возмутители и измѣнники государю и отечеству, будутъ подвергнуты жестокому наказанію безъ пощады — плетьюми и смертной казнию. Самодержавная воля императора, покорная служба ему его вѣрнопопданныхъ рабовъ, безропотное повиновеніе его начальникамъ, законъ и порядокъ — устои императорскаго властвованія. «Какъ вы, мои вѣрные рабы, — писалъ въ своихъ указахъ «императоръ», — напредъ сего служили мнѣ и предкамъ моимъ, Великимъ Государямъ, Императорамъ Всероссійскимъ, вѣрно и неизмѣнно, такъ и нынѣ послужите мнѣ, законному своему Великому Государю Петру Федоровичу, до послѣдней капли крови... За что награждены и пожалованы мною будете... жалованіемъ и чинами... Ежели же кто, позабывъ свою должность къ природному своему государю..., дерзнетъ сего моего повелѣнія не исполнить..., тотъ увидитъ на себѣ праведный мой гнѣвъ, а потомъ и казнь жестокою». «Самодержавнаго Императора, Нашего Великаго Государя Петра Федоровича Всероссійскаго» — Яицкому войску: «Какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили до капли своей крови, дѣды и отцы ваши, такъ и вы послужите за свое отечество мнѣ, Великому Государю Императору Петру Федоровичу... И

я, Государь Петръ Федоровичъ, во всѣхъ винахъ прощаю и жаловаю я васъ рѣкою съ вершинъ и до устья, и землею, и травами, и денежнымъ жалованіемъ, и свинцомъ, и порохомъ, и хлѣбнымъ провіантомъ». Башкирскому народу: «Точно вѣрите: въ началѣ Богъ, а потомъ на землѣ я самъ властительный вашъ Государь. И мнѣ служить будете, не щадя живота своего и души свои принося на жертву. И, если такъ будете послушными и къ сей моей службѣ преданность учините, то я... всѣмъ тѣмъ, что вы отъ единого Бога просите, равно пожалую, ибо всемилостивѣйшій Государь я». И еще --- командиру города Алатыря: «Поступать тебѣ для склонившагося народа въ силу законовъ, во всемъ неупустительно, не чиня никому обидъ, налогъ и притѣсненіевъ... Съ противниками же... поступать такъ, какъ съ дѣйствительными злодѣями, бунтовщикамъ и измѣнниками своему государю, по всей строгости нашего монаршаго правосудія». Такіе же приказанія отдавали и царскіе военачальники: «Кто вѣрнопопданнымъ истиннымъ сынамъ отечества, — писалъ изъ Государственной Военной Коллегіи полковникъ Иванъ Твороговъ, — чинять какія грабительства, а наипаче вящія и нестерпимыя обиды, таковыя, яко преслушники Его Величества повелѣнія, безъ наказанія оставлены не будутъ». «Подтверждаю всѣмъ вѣрнопопданнымъ, — писалъ главный предводитель войска Иванъ Кузнецовъ, — дабы при взятіи городовъ, преклонившихся къ полной власти Его Величества, отъ идущихъ армій никакого жителямъ притѣсненія, раззоренія, обидъ, налогъ и безповиннаго кровопролитія не чинили. А, если кто въ таковыхъ обращеніяхъ и противныхъ развратахъ сыщется, то не избѣгнетъ отъ полновластной Его Величества власти смертной казни». «Накрѣпко подтверждаю, — писалъ полковникъ Иванъ Бѣлобородовъ, — чтобы... воинскія команды содержать во всякой строгости и крайне наблюдать, чтобы были всѣ въ единодушномъ къ службѣ Е. И. В. усердіи. А, если кто .. оказываться будутъ въ самовольствахъ, озорничествахъ и непослушаніяхъ, за то таковыхъ упорственникововъ и противниковъ воли Е. И. В. наказывать безъ всякой пощады плетью». — Государственное властвованіе обрѣтеннаго народомъ Императора Петра III, — если не въ исполненіи, то въ заданіи, — точная копія государственнаго властвованія вѣнчанной на царство законной императрицы Екатерины II и всѣхъ прежнихъ природныхъ государей.

Если обрѣтенный народомъ Третій Императоръ, какъ всѣ прежніе природные государи — самодержавный владыка, а его подданные, какъ ихъ отцы и дѣды, — покорные и безгласные рабы, почему, какъ родного отца, ждали его всѣ простые и черные люди, почему, какъ восходящее красное солнце, встрѣчали его всѣ сырые и униженные? Почему во всей необъятной имперіи — не только въ мѣстностяхъ, гдѣ бушевало возстаніе, но и въ Москвѣ, и въ другихъ областяхъ — вся «подлость и чернь» была въ великомъ колебаніи и, если не вьявъ, то втайнѣ, сердцами своими преклонялась къ «злодѣю»? — Потому, что точный и природный императоръ, возставшій изъ мертвыхъ и своими ногами обошедшій всю землю, какъ подобаётъ христіанскому монарху, — государь сырыхъ и бѣдныхъ, а не богатыхъ и сильныхъ. И это естественно. Ибо сырые и бѣдные — крестьяне и работные люди — вѣрные и покорные слуги своему государю, защитники вѣры и отечества и хранители общаго покоя и благочинія. А богатые и сильные — бояре и дворяне — злодѣи и измѣнники: противятся волѣ Е. И. В., тиранятъ его вѣрноподданныхъ, рабовъ и нарушаютъ общій покой и законъ. Уже давно вся Россія находится въ подданствѣ у дворянъ и компанейщиковъ и доведена ими до самой крайней гибели; а чернь, бѣдная, терпитъ отъ нихъ великія обиды и раззоренія. Дворяне обладаютъ крестьянами, но, хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобъ они крестьянъ своихъ содержали такъ же, какъ дѣтей, но они почитаютъ ихъ хуже псовъ, съ которыми гоняютъ за зайцами. Компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работой утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не было, да и нѣтъ. Отъ чего крестьяне пришли въ совершенное убожество и, отъ несносности человѣческой, бѣгутъ, куда глаза глядятъ, а слезы женъ и малолѣтнихъ дѣтей возносятся къ Господу. Государь, еще будучи на тронѣ, все это видѣлъ и зналъ и хотѣлъ крестьянъ, какъ израильтянъ, отъ ига работъ избавить, чтобы они больше не были у дворянъ во владѣніи, и учинить тѣмъ во всей Россіи вольность. За что былъ лишенъ дворянами всероссійскаго престола и вмѣненъ злоумышленно опубликованными указами въ мертвые. Нынѣ Императоръ возсталъ изъ мертвыхъ, своими ногами обошелъ всю русскую землю, видѣлъ горе крестьянъ и тиранство помѣщиковъ: приказываетъ: крестьянъ отъ неволи помѣщикамъ осво-

бодить, работныхъ людей отъ заводовъ отрѣшить и въ заводскія работы впредь не употреблять, всѣмъ чернымъ людямъ отъ рекрутскихъ наборовъ и отъ податей дать льготу, кому на семь лѣтъ, кому на десять, кому на вѣки, а дворянъ, которые волѣ Е. И. В. не покорились и не принесли повинной, какъ противниковъ царской власти и возмутителей имперіи, и раззорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать. Вотъ почему, какъ родного отца, ждуть его всѣ простые и черные люди, вотъ почему, какъ восходящее красное солнце, которое озарить и согрѣеть ихъ, встрѣчаютъ его всѣ сирые и униженные; вотъ почему всѣ крестьяне, приписные и помѣщичьи, какъ одинъ человекъ, раззоряютъ дома дворянъ и компанейщиковъ, отнимаютъ у нихъ пожитки, ловятъ своихъ господъ и везутъ ихъ на смертную казнь. Ибо они крѣпко вѣрятъ: когда противники власти и злодѣи — помѣщики и заводчики — будутъ истреблены, тогда всѣ восчувствуютъ тишину и спокойную жизнь, коя будетъ продолжаться до вѣка. Только, раззоряя дворянъ и заводчиковъ и отнимая у нихъ пожитки и предавая своихъ господъ лютой и поносной смерти, крестьяне и работные люди и въ мысляхъ не имѣютъ, что они поступаютъ, какъ своевольники, или какъ насильники. Вѣрноподанные Е. И. В. — не злодѣи и не грабители. Если работные люди запечатываютъ заводы и уходятъ съ работъ, то дѣлаютъ это не самовольно, а въ силу Е. И. В. указовъ, коими имъ повелѣно вѣхать съ заводовъ въ ихъ отечества, а они тѣмъ указамъ послушны. Если крестьяне раззоряютъ дома помѣщиковъ и отбираютъ у нихъ пожитки, то берутъ ихъ не на себя, а въ казну Е. И. В., какъ имъ приказано, и при этомъ спрашиваютъ Великаго Государя, какъ имъ съ тѣми пожитками поступить и «на какомъ быть основаніи». «Нынѣ у насъ въ вотчинѣ, — пишутъ крестьяне государю, — имѣется господскій хлѣбъ, лошади и скоть. И что Вы, Государь, объ ономъ изволите приказать?» И не повелѣно ли будетъ изъ господскаго хлѣба выдать бѣднымъ и раззореннымъ на пропитаніе и обѣщаніе? Если крѣпостные ловятъ своихъ господъ и везутъ ихъ на казнь, то дѣлаютъ это потому, что въ царскихъ указахъ сказано: «Ежели кто помѣщика убьетъ до смерти и домъ его раззорить, тому дано будетъ жалованье сто рублей, а кто десять домовъ раззорить, тому тысяча рублей и чинъ генеральскій»; а потому опасаются: если царскихъ указовъ не исполнять и гос-

подъ на висѣлицахъ не оставлять, не получать свободы, а останутся у помѣщиковъ въ неволѣ. Все, что крестьяне дѣлаютъ, они дѣлаютъ чинно, по закону, прилагая всѣ старанія, чтобы точно исполнить свою присяжную должность и чтобы поступать такъ, какъ подобаетъ поступать вѣрными и во всемъ непремѣннымъ, нижайшимъ и вѣрноподаннымъ рабамъ. Ибо, если государь и освободилъ крестьянъ, то освободилъ ихъ только отъ повиновенія помѣщикамъ. И, если пожаловалъ имъ вольность, то только — отъ помѣщичьей крѣпости. А отъ повиновенія себѣ государь крестьянъ не освободилъ. И отъ крѣпости собственной священной особѣ вольности не давалъ. Прежде крестьяне были помѣщичьи — теперь стали казенные — государевы. Прежде были въ подданствѣ у своихъ господъ — теперь будутъ вѣрноподанными рабами собственной императорской короны. Такъ, какъ сказано въ царскомъ манифестѣ: «Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ, находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподанными рабами собственной нашей коронѣ». Но ничего другого крестьяне и не желаютъ. Никакой иной воли и въ мысляхъ не имѣютъ. Радуются, какъ свѣтлому празднику, освобожденію отъ помѣщичьей неволи. А передъ государемъ, какъ передъ Богомъ, — всѣ люди — рабы и крѣпостные. — Такова идеологія Пугачевскихъ воровъ и злодѣевъ — вѣрноподанныхъ рабовъ Государя Императора Петра Феодоровича то же. Она, какъ двѣ капли воды, походитъ на идеологію московскихъ бунташныхъ людей: за православную вѣру и великаго государя стоять, а большихъ и сильныхъ людей — бояръ и дворянъ — выводить. Въ ней нѣтъ ни проблеска западнаго сознанія. Она ничего не знаетъ ни о волѣ народа, ни о правахъ человѣка. Она знаетъ только волю Божию и священную персону монарха. Она вся устремлена не впередъ и не на Западъ, а назадъ и на Востокъ. Священное царство, по строгому православному чину, съ самодержавнымъ императоромъ — Божиимъ помазанныкомъ и намѣстникомъ; съ царскими начальниками — сіятельными князьями и графами, служащими не съ крестьянъ, а на жалованіи; и черными людьми — вѣрноподанными рабами собственной императорской короны — вотъ за что кладутъ свои головы имперскіе бунтовщики и мзтежники.

Таковъ подлинный ликъ великаго имперскаго народнаго движенія — Пугачевского. Для императорской власти это былъ бунтъ злой и бессмысленной черни — «въ невѣжествѣ, пьянствѣ и глупости погруженныхъ подлыхъ людей». Для интеллигентскаго «ордена», это было народное революціонное возстаніе. Но не такъ это было въ глазахъ самого народа. Въ глазахъ народа это было двоестарствіе. Была матушка-царица Екатерина Алексѣевна; и былъ батюшка-царь Петръ Федоровичъ. И цари встали другъ на друга. Потому раздѣлился и народъ. Одни стояли за матушку-царицу, ибо искренно вѣрили, что она — единая истинная, Богомъ избранная и вѣнчанная на царство. Другіе стояли за батюшку-царя, ибо крѣпко вѣрили, что только онъ точный природный государь, незаконно лишенный престола дворянами и царицей. Одни присягали матушкѣ-царицѣ и потому, блюдя присягу, стояли и умирали «за вѣру, государыню и отечество». Другіе присягали батюшкѣ-царю, и потому отдавали свои души и головы «за вѣру, государя и отечество», «а хотя за государыню и другую присягу принимали, то не съ чистосердечнаго своего желанія, но по принужденію». Тѣ, кто стояли за матушку-царицу, почитали вѣрноподанныхъ рибовъ «Государя Императора» — ворами и злодѣями. Тѣ, кто стояли за батюшку-царя, почитали вѣрнѣйшихъ слугъ Государыни Императрицы — бунтовщиками и измѣнниками. «Его Величество, нашъ батюшко, нашего злодѣя, возмутителя, бунтовщика и вора Голицына разбилъ», — доносилъ «полковнику» Бахтіару Канкееву «бекетный» Яковъ Ивановъ. Матушка-царица издавала манифесты, въ которыхъ объясняла свою правду и обманъ злодѣя и обѣщала народу милость и попеченіе. Батюшка-царь тоже издавалъ манифесты, въ которыхъ объяснялъ свои права на царство и обѣщаль народу мирную и счастливую жизнь. И сторонники царя говорили, что «его манифесты правѣе». Только не потому преклонялся народъ къ батюшкѣ-царю, что онъ издавалъ правильные манифесты, а потому призналъ въ немъ законнаго государя, что видѣлъ его заботы и жалость къ народу: природный, законный государь — всегда народный печальникъ и заступникъ. Два царя, двѣ присяги — народная трагедія вѣрности и покорности власти, но не бунтъ, не возстаніе на власть. Побѣдила матушка-царица. Вѣрноподанные слуги Государя Императора были пытаны, вѣшаны за ребра и четверто-

ваны. Наступили покой, тишина и порядокъ. И все пошло по старому. Но могло произойти и иначе: могъ побѣдить батюшка-царь, какъ побѣдилъ за полтора столѣтїя передъ тѣмъ Государь и Великій Князь Димитрій Ивановичъ — онъ же Григорій Отрепьевъ. Только, и въ этомъ случаѣ, врядъ ли многое бы измѣнилось или, если бы и измѣнилось, то не надолго. Прежде чѣмъ родиться въ жизни, но вое рождается въ сознаниі народа. Но ничто новое въ сознаниі имперскаго народа въ дни Пугачевского движенія не родилось. Сознаніе возставшихъ и подавлявшихъ возстаніе было тождественно. Это было старое восточное сознаніе, на которомъ стояла Москва и еще два столѣтїя простояла Имперія.

Такой же характеръ носило и другое открытое народное движеніе эпохи Имперіи — выступленіе гвардейскихъ полковъ на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Для императорской власти это была «неистовующая крамола, злоумышлявшая на ниспроверженіе вѣры православной и престола». Для интеллигентскаго ордена — начало революціоннаго освободительнаго движенія. Но не такъ это было въ глазахъ народа. Историческій ходъ событій былъ таковъ. Императоръ Александръ I былъ бездѣтенъ и еще задолго до смерти думалъ объ отреченіи отъ престола. Законный наслѣдникъ, братъ Александра I — Константинъ Павловичъ былъ женатъ морганатическимъ бракомъ и, помимо этого, самъ отъ наслѣдованія престола отказался. По закону наслѣдовать престолъ долженъ былъ слѣдующій братъ Николай Павловичъ. Александръ I предупредилъ его объ этомъ и въ такомъ духѣ составилъ завѣщательный манифестъ, который въ запечатанномъ пакетѣ положилъ на храненіе въ алтарь Успенскаго собора, а въ коліяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ и Синодѣ, съ приказаніемъ: въ случаѣ смерти вскрыть, «прежде всякаго другаго дѣйствія». Однако, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о кончинѣ Александра I, Николай Павловичъ, въ нарушеніе воли покойнаго и въ отсутствіи брата, который былъ Главнокомандующимъ Польской арміи и жилъ въ Варшавѣ, провозгласилъ Константина Павловича императоромъ и привелъ къ присягѣ ему войска и правительственныя учрежденія. Что руководило при этомъ Николаемъ Павловичемъ? — Самъ онъ объяснялъ свое поведеніе такъ: необходимо было одновременно съ объявленіемъ о смерти императора провозгласить восшед-

шимъ на престоль его преемника: «имперія ни на мгновение не можетъ остаться безъ монарха». Законнымъ наследникомъ престола былъ Константинъ Павловичъ — потому онъ ему первымъ и присягнулъ. О содержаніи манифеста онъ не зналъ, но если бы и зналъ, поступилъ бы такъ же: «Манифестъ не былъ опубликованъ при жизни государя, — писалъ онъ впоследствии, — а Константинъ Павловичъ былъ въ отсутствіи, потому, во всякомъ случаѣ, долгъ мой и всей Россіи было присягнуть законному государю». Таково объясненіе Николая Павловича. Но есть другое объясненіе, болѣе вѣроятное. Гвардія не любила Николая Павловича и предпочитала видѣть на престолѣ его брата — Константина. Когда пришло извѣстіе о болѣзни Александра I, Николай Павловичъ созвалъ на совѣщаніе петербургскаго генераль-губернатора графа Милорадовича и командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ генерала Войнова: какъ поступить въ случаѣ кончины императора. Милорадовичъ заявилъ рѣшительно: надо исполнить государственный законъ и безъ промедленія присягнуть закономъ указанному наследнику — Константину. Въ частныхъ разговорахъ онъ выражался болѣе рѣшительно. Около 10 декабря, — рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ принцъ Евгений Вюртембергскій, — «я встрѣтилъ въ приемной у императрицы графа Милорадовича. Онъ шелъ мнѣ таинственно: — Боюсь за успѣхъ дѣла: гвардія очень привержена къ Константину. — О какомъ успѣхѣ говорите вы? — Возразилъ я удивленно. — Я ожидаю естественнаго перехода престолонаследія къ великому князю Николаю, коль скоро Константинъ будетъ настаивать на своемъ отреченіи. Гвардія тутъ не при чемъ. — Совершенно вѣрно, — отвѣчалъ графъ, — ей бы не слѣдовало тутъ вмѣшиваться, но она испоконъ вѣку привыкла къ тому и сроднилась съ такими понятіями. И еще болѣе рѣшительно въ разговорѣ съ кн. Шаховскимъ:

М и л о р а д о в и ч ъ. «Государь передалъ наследіе вел. кн. Николаю Павловичу., но народу, войску и должностнымъ лицамъ это было неизвѣстно. Я первый не зналъ этого. Могъ ли я допустить, чтобы произнесена была какая-нибудь присяга, кромѣ той, которая слѣдовала? Мой первый долгъ былъ требовать этого, и я почитаю себя счастливымъ, что вел. князь тотчасъ же на это согласился».

К н. Ш а х о в с к о й. «Я бы на Вашемъ мѣстѣ прочелъ сперва волю покойнаго императора».

Милорадовичъ. «Извините, корона для насъ священна, и мы прежде всего должны исполнить свой долгъ. Прочестъ бумаги всегда успѣемъ, а присяга въ вѣрности нужнѣе прежде всего. Такъ рѣшилъ и вел. князь». И, ударивъ себя по карману: «У кого 60 тысячъ штыковъ въ карманѣ, тотъ можетъ смѣло говорить».

Когда Николай Павловичъ провозглашалъ императоромъ Константина, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ думалъ не о законѣ и не о Россіи, а о гвардіи.

Но каковы бы ни были мотивы, которыми руководился Николай Павловичъ, 27 ноября 1825 года Россійскимъ императоромъ былъ провозглашенъ Константинъ. Петербургъ, а за нимъ вся Россія, присягнули ему — спокойно и охотно. Отъ имени императора Константина стали издаваться указы правительственныхъ учреждений. Его имя появилось на монетахъ и денежныхъ знакахъ. На Невскомъ Проспектѣ въ магазинахъ были выставлены его портреты съ надписью: «Константинъ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій». Формально шло царствование Императора Константина. Но не такъ это было на дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ, Константинъ Павловичъ царствовать рѣшительно отказывался. Когда въ Варшаву пришло извѣстіе о смерти Александра I, онъ немедленно написалъ письма матери и брату, въ которыхъ категорически подтверждалъ свое отреченіе отъ престола. Сообщение о томъ, что онъ провозглашенъ императоромъ, привело его въ гнѣвъ. Онъ отіправилъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта Лопухину рѣзкое письмо, въ которомъ заявлялъ, что считаетъ совершенный актъ незаконнымъ и требуетъ исполненія воли покойнаго. На просьбу брата и матери пріѣхать въ Петербургъ, если не для принятія престола, то для публичнаго отреченія отъ него, онъ отвѣтилъ отказомъ и угрозой: «если все не устроится сообразно волѣ покойнаго императора», удалиться еще дальше — за границу. Всѣ попытки убѣдить его помочь выйти изъ труднаго положенія кончались ничѣмъ. Но на эти попытки уходило время. Сношенія между Петербургомъ и Варшавой поддерживались курьерами. Каждая поѣздка требовала три-четыре дня. Такъ проходили дни и недѣли. Фактически создалось настоящее междуцарствіе. Провозглашенный императоръ царствовать отказался. Тотъ, кто былъ предназначенъ царствовать, не рѣшался провозгласить себя императоромъ, опасаясь противодѣйствія гвардіи. И, въ самомъ

дѣлѣ, какъ было заставить гвардію присягать новому императору, когда она только что присягнула другому? Или, какъ это выразилъ вел. кн. Михайль въ разговорѣ съ Николаемъ Павловичемъ: «Какъ тутъ растолковать каждому въ народѣ и въ войскѣ эти домашнія сдѣлки и почему сдѣлалось такъ, а не иначе?» И, гѣмъ не менѣе, длить междуцарствіе было невозможно. Волненіе, все болѣе охватывавшее высшіе правительственные круги, распространялось дальше. Гдѣ императоръ? Почему онъ не возвращается въ свою столицу и не беретъ въ руки управленія царствомъ? Гдѣ вел. кн. Михайль, поѣхавшій къ императору на свиданіе? Живы ли они? На свободѣ ли? Необходимо было на что-нибудь рѣшиться. Настаивать далѣе на соглашеніи Константина было бесполезно. Это понимали и его сторонники. «Я надѣялся на него, — говорилъ Милорадовичъ, — а онъ губить Россію». Оставалось провозгласить императоромъ Николая. На это въ концѣ и рѣшились. На 13 декабря было назначено засѣданіе Государственнаго Совѣта, гдѣ Николай долженъ былъ прочесть манифестъ о своемъ восшествіи на престолъ. На 14 декабря была назначена присяга гвардейскихъ полковъ. Николай готовилъ къ этому дню, какъ къ смертному часу. На этотъ же день назначили свое выступленіе гвардейскіе офицеры — заговорщики, вошедшіе въ исторію подъ именемъ «декабристовъ».

Кто были декабристы? — Замкнутое тайное общество гвардейскихъ, флотскихъ и армейскихъ офицеровъ, поставившее своей цѣлью захватить власть, чтобы установить въ Россіи свободный государственный строй, и насчитывавшее въ лучшіе свои годы сотню-двѣ членовъ. Всѣ они были дворяне и помѣщики, — слѣдовательно, рабовладѣльцы — всѣ принадлежали къ верхушкѣ имперскаго общества. Разница между ними и остальной верхушкой одна: западная цивилизація, къ началу 19 вѣка только внѣшние облекія верхи русскаго общества, проникла имъ въ души. Они подлинно горѣли идеями западнаго просвѣщенія: права, личности и свободы. Они искренно ненавидѣли окружающее ихъ: рабство, насиліе и произволъ. Они восторгались республиками древности — Греціи и Рима — и современными демократіями — Франціи и Америкѣ. Они мечтали, какъ о золотомъ вѣкѣ, о томъ времени, когда и въ Россіи вонарятся вольность и народодержавіе. И готовы были отдать жизнь за свою мечту. «Мы умремъ!

— говорилъ Одоевскій на совѣщаніяхъ у Рылѣва наканунѣ возстанія. — Ахъ, какъ славно мы умремъ». И, тѣмъ не менѣе, эти энтузіасты народодержавія и пламенные народолюбцы были такъ же далеки отъ народа, какъ все то общество, къ которому они принадлежали. Или вѣрнѣе: они были еще дальше отъ народа, чѣмъ окружающее ихъ общество, ибо болѣе, чѣмъ оно, были проникнуты западнымъ просвѣщеніемъ, народу чуждымъ и недоступнымъ. Они готовы были отдать свои жизни за права и вольности народа, но думали достичь ихъ не черезъ народъ — не при его содѣйствіи. Напротивъ, участіе народа въ завоеваніи власти казалось многимъ изъ нихъ ненужнымъ и даже опаснымъ. Всѣ ужасы французской революціи произошли отъ того, что въ дѣло вмѣшалась «чернь». Переворотъ долженъ произвести не народъ, а армія и флотъ — или, еще лучше, одна гвардія. Солдаты послушно пойдутъ за своими командирами. Народъ будетъ призванъ къ участію въ государственномъ управленіи — выборамъ въ учредительное собраніе — «великій соборъ народныхъ представителей», — тогда, когда власть уже будетъ завоевана. «Наша революція будетъ подобна революціи испанской: — говорилъ подпор. Бестужевъ-Рюминъ, — она не будетъ стоить ни одной капли крови, ибо произведетъ ся одной арміей, безъ участія народа». Подполк. С. Муравьеву казалось «не только бесполезнымъ, но даже опаснымъ открывать солдатамъ что-либо, клонящееся къ цѣли общества». Солдаты отнюдь не въ состояніи понять выгодъ переворота: «республиканское правленіе, равенство сословій и избраніе чиновниковъ будутъ для нихъ загадкой сфинкса». «Вы дѣлаете много чести нашимъ солдатамъ, — говорилъ онъ Горбачевскому, — простой народъ добръ, онъ никогда не разсуждаетъ и потому онъ долженъ быть орудіемъ для достиженія цѣли». «Полк. Тизенгаузенъ, — рассказываетъ Горбачевскій, — всегда говорилъ, что для него довольно будетъ, если онъ, выстроивши полкъ, выкативши нѣсколько бочекъ вина, выдавши нѣсколько денегъ, вызвавши пѣсенниковъ впередъ, крикнетъ: ребята, за мной! — чтобы полкъ двинулся и дѣйствовалъ въ смыслъ его». Подп. Фроловъ прибавлялъ: «Что онъ прикажетъ дать нѣсколько кусковъ сала въ кашницу, и солдаты пойдутъ за нимъ». А подп. Енгальцовъ, въ отвѣтъ на объясненія Горбачевского, что солдатамъ объявили о замышляемомъ переворотѣ, «затѣмъ чтобы имъ знать,

за что они будутъ сражаться, и поэтому быть совершенно убѣждену въ ихъ содѣйствіи», — возразилъ: «Этого никогда не должно дѣлать: я бы свою роту, если бы она за мной не пошла, погналъ палкой». «Общественное устройство въ Россіи еще и до сихъ поръ таково, — писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ вождей заговора кн. Трубецкой, — что военная сила одна безъ содѣйствія народа можетъ не только располагать престоломъ, но измѣнить образъ правленія; достаточно заговора нѣсколькихъ полковыхъ командировъ, чтобы возобновить явленія, подобныя тѣмъ, которыя возвели на престолъ большую часть царствовавшихъ въ прошедшемъ вѣкѣ особъ». Такіе взгляды на участіе народа въ переворотѣ опредѣлили и методы дѣйствія членовъ тайнаго общества по подготовкѣ возстанія. Заговорщики дѣятельно вели пропаганду среди офицеровъ, старались завербовать ихъ въ свои ряды, употребляли большія усилія, чтобы привлечь на свою сторону хотя бы нѣсколько высшихъ командировъ, но они рѣдко спускались въ солдатскіе низы. Ихъ сношенія съ солдатами ограничивались тѣмъ, что каждыѣ членъ общества старался заслужить довѣріе и любовь своей части, въ увѣренности, что въ такомъ случаѣ она пойдетъ за нимъ; потому обучали солдатъ грамотѣ, заботились объ ихъ пищѣ и одеждѣ и старались смягчить обращеніе съ ними и наказанія. Только одна небольшая провинціальная группа — «Общество соединенныхъ славянъ» — шла въ сношеніяхъ съ солдатами дальше: вела среди нихъ пропаганду на почвѣ тяжести службы и обѣщала перемѣну въ случаѣ переворота, — «убавятъ имъ лѣта ихъ службы, прибавится жалованіе, уменьшится строгость, черезъ которую теперь они такъ мучимы бываютъ». «За довѣренность своихъ офицеровъ, — разсказываетъ Горбачевскій, — солдаты платили скромностью и вѣрностью, слушали... славянъ со вниманіемъ, любопытствомъ, хотя и не безъ удивленія; нѣкоторые изъ нихъ даже клялись слѣдовать всюду за добрыми, какъ они говорили, офицерами. И, если нужно, умереть вмѣстѣ съ ними. Какое-то темное желаніе измѣнить существующій порядокъ вещей волновало ихъ умъ и сердце; настоящее положеніе было имъ тягостно; они хотѣли перемѣны, но какой? — Они въ томъ не могли себѣ... дать яснаго отчета». Въ общемъ между офицерами, — членами тайнаго общества — и подчиненными имъ солдатами была такая же про-

пасть, какъ между всѣмъ верхомъ и низомъ имперскаго общества. Заговорщики готовили государственный переворотъ, собирались ввести въ Россіи новый свободный, быть можетъ, даже республиканскій строй. Но ни народъ, ни армія не слышали объ этомъ и намека.

Такъ продолжалось до смерти Александра I. Провозглашеніе императоромъ Константина и наступившее вслѣдъ за этимъ междуцарствіе въ корнѣ измѣнили положеніе. Въ народѣ шли толки: императоръ не думаетъ отречься отъ престола, — его хотятъ къ этому принудить. Интригу ведетъ вел. кн. Николай. Императоръ арестованъ и сидитъ въ цѣпяхъ. Новая присяга Николаю, при жизни государя, незаконна. Всѣ свѣдѣнія, доходившія до членовъ общества, говорили: гвардія стоитъ за Константина и на новую присягу пойдетъ неохотно. Въ средѣ заговорщиковъ тотчасъ родилась мысль: нельзя ли воспользоваться симъ случаемъ для испрошенія отечеству нашему свободы? Русскихъ солдатъ трудно поднять на бунтъ — на беззаконіе. Но за законъ солдаты встанутъ грудью. Еще труднѣе поднять солдатъ на царя. Но за царя солдаты умрутъ съ радостью. «Чѣмъ можно двинуть русскаго солдата, какъ не вѣрою, какъ не привязанностью къ царю?» — говорилъ А. Бестужевъ. «Ежели взять большую книгу съ золотой печатью и написать на ней крупно Законъ и ежели пронести сію книгу по полкамъ, то все слѣлать можно, чего бы не захотѣли», — говорилъ другой заговорщикъ. Надо укрѣпить солдатъ въ ихъ приверженности къ царствующему императору и нелюбви къ Николаю Павловичу. Надо увѣрить ихъ, что государь не думаетъ объ отреченіи, и что его хотятъ принудить къ этому обманомъ или силой. Надо настаивать на вѣрности данной присягѣ и на незаконности новой. Тогда солдаты пойдутъ за членами общества съ вѣрой и охотой, ибо пойдутъ за родное и понятное имъ — престолъ и присягу. Раньше стратегія заговора основывалась на слѣпомъ подчиненіи солдатъ своимъ командирамъ, въ лучшемъ случаѣ, на любви и довѣріи къ нимъ. Теперь представляется случай поднять солдатъ во имя ясной и доступной ихъ сознанію цѣли. Какъ этимъ случаемъ не воспользоваться? Такъ родилась новая стратегія заговора, вся построенная на «случаѣ». Планъ возстанія былъ составленъ такъ: когда гвардію будутъ приводить къ присягѣ, всѣмъ членамъ общества говорить по полкамъ, что солдатъ обманыва-

ють, и что присяга незаконна. Государя принудили къ отреченію отъ престола, — его отказъ по письму недостаточенъ. Пусть онъ издастъ манифестъ о своемъ отреченіи, а лучше всего пусть пріѣдетъ самъ. Если солдаты присягать откажутся, вести ихъ на Сенатскую площадь. Тамъ требовать прибытія государя. Солдатамъ говорить, что есть завѣщаніе покойнаго императора, по которому имъ должны убавить срокъ службы. Надо требовать исполненія сего завѣщанія, но просто на одно обѣщаніе положиться нельзя, а надо сдѣлать крѣпко. Потому не надо расходиться. Если государь пріѣдетъ, покориться обстоятельствамъ. Если не пріѣдетъ, итти къ Сенату и требовать отъ него изданія манифеста, коимъ бы всенародно было объявлено: что государь отъ престола отрекся; что для рѣшенія вопроса о томъ, кому дальше царствовать, назначается общее собраніе депутатовъ отъ всѣхъ губерній — по примѣру прежнихъ всеобщихъ соборовъ; что всѣмъ сословіямъ даются равныя права, а солдатамъ убавляется срокъ службы; и что для управленія государствомъ до рѣшенія депутатскаго собранія назначается временное правленіе изъ двухъ или трехъ извѣстнѣйшихъ особъ Государственнаго Совѣта. Дальнѣйшія дѣйствія развернуть по обстоятельствамъ. Таковъ планъ возстанія, выработанный заговорщиками въ дни междуцарствія — весь рассчитанный на соблюденіи вида законности и цѣликомъ приспособленный къ «случаю». «Исполненіе намѣреній нашихъ касательно предложенія государю императору о собраніи всеобщаго собора — показывалъ на слѣдствіи пор. кн. Оболенскій, — основано было единственно на томъ предположеніи, что полки откажутся отъ присяги нынѣшнему императору». «Планъ дѣйствій, — рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Трубецкой, — былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными императору, которому присягнули». «Насъ здѣсь 60 членовъ, — писалъ накануне возстанія И. И. Пущинъ С. М. Семенову. - - Мы увѣрены въ 1000 солдатахъ, коимъ внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна соблюдаться. Случай удобенъ». Присяга назначена была на 14 декабря — на этотъ же день назначено было и выступленіе. Заговорщики готовились къ нему такъ же, какъ Николай — какъ къ смертному часу. «Предвижу, что не будетъ успѣха, — говорилъ на собраніи заговорщиковъ Рылѣевъ, — но потрясеніе необ

ходимо... Необходимо пробудить Россію., и мы своей неудачей научимъ другихъ... Можетъ быть, мечты наши сбудутся, но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ».

14 декабря присяга по полкамъ началась съ утра. Въ Московскомъ полку полковой командиръ, прежде чѣмъ приводитъ солдатъ къ присягѣ, собралъ къ себѣ офицеровъ, прочелъ имъ манифестъ Александра I и разъяснилъ обстоятельства, касающіяся восшествія на престолъ Николая Павловича. Офицеры должны были дать соответствующія разъясненія солдатамъ. Воспользовавшись этимъ, ротные командиры М. Бестужевъ и кн. Щепинъ-Ростовскій, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ къ полку членомъ общества штабсъ-кап. Ал. Бестужевымъ (Марлинскимъ), стали ходить по ротамъ и произносить солдатамъ рѣчи въ обратномъ смыслѣ: что Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола, что онъ задержанъ по дорогѣ въ Петербургъ и сидитъ въ оковахъ такъ же, какъ его братъ Михаилъ Павловичъ, и что долгъ солдатъ — сохранить вѣрность первой присягѣ. «Я пріѣхалъ извѣстить васъ, — говорилъ шт.-кап. А. Бестужевъ, — что васъ обманываютъ. Я — адъютантъ Константина Павловича и присланъ отъ него васъ предупредить. Вспомните, ребята, что 20 дней, не болѣе, какъ присягали вы государю Константину Павловичу, цѣловали крестъ. Вы христіане, знаете Бога и не должны присягать другому государю, тогда какъ государь вашъ живъ». «Ребята, — говорилъ кн. Щепинъ, — мы присягали государю императору Константину Павловичу, крестъ и Евангеліе цѣловали, а теперь будемъ присягать Николаю Павловичу... Ребята, все обманъ; насъ заставляютъ присягать насильно; Государь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола, а въ цѣпяхъ находится». Рѣчи произвели на солдатъ сильное впечатлѣніе. «Не хотимъ Николая, — кричали солдаты, — да здравствуетъ императоръ Константинъ! Ему мы присягали и только его мы признаемъ нашимъ императоромъ». Заговорщики вывели часть полка изъ казармъ и съ развернутыми знаменами пошли на назначенный сборный пунктъ — Сенатскую площадь. На площади никого не было. Московцы построились въ каре и стали ждать. Такъ прошло два часа. Къ полудню подошли еще два полка — Лейбъ-гвардіи гренадерскій и гвардейскій морской экипажъ. — Въ гренадерскомъ полку присяга прошла благополучно.

Подпоручикъ Кожевниковъ крикнуть было объ обманъ и о присягѣ, данной Константину, но не было никѣмъ поддержанъ и тотчасъ былъ арестованъ. Полкъ присягнувъ и былъ распущенъ по казармамъ. Но въ это время въ казармы прибылъ членъ общества корнетъ кн. Одоевскій, присланный московцами за поддержкой. Тогда ротный командиръ Сутгофъ, не говоря солдатамъ, въ чемъ дѣло, вывелъ свою роту изъ казармъ и повелъ прямо на площадь на соединеніе съ московцами. А остальную часть полка увлекъ за собою горячими рѣчами поручикъ Пяновъ. «Пановъ, — показывалъ на слѣдствіи солдаты, — командовалъ ими, приказывалъ кричать: Ура, Константинъ! Колебавшихся и уstraшенныхъ обнадеживалъ, что скоро будетъ самъ Константинъ съ войсками, истребитъ гвардейскій корпусъ за непостоянство, а они за вѣрность и преданность ему будутъ вознаграждены». По дорогѣ на площадь гренадеровъ, шедшихъ въ безпорядкѣ, встрѣтилъ императоръ. «Подѣхавъ къ нимъ, — рассказываетъ въ своихъ запискахъ Николай Павловичъ, — ничего не подозрѣвая, я хотѣлъ остановить людей и выстроить; но на мое — стой! отвѣчали мнѣ: мы — за Константина! Я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ: когда такъ — то вотъ вамъ дорога. И вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска, и присоединилась безъ препятствія къ своимъ одинако заблужденнымъ товарищамъ». Иначе прошло дѣло въ морскомъ экипажѣ. Въ экипажѣ еще наканунѣ возстанія членъ общества лейтенантъ Арбузовъ говорилъ фельдфебелю своей части: «Завтра утромъ будетъ присяга государю Николаю Павловичу, и куда же мы дѣнемъ другого царя? А потому иди въ роту и объяви тамъ, чтобы держаться, какъ возможно, первой присяги, а завтрашняя будетъ обманъ... Скажи людямъ, что за четыре станціи за Нарвой стоитъ первая армія и польскій корпусъ; если мы дадимъ присягу Николаю Павловичу, то они придутъ и всѣхъ насъ передавать». Другому унтеръ-офицеру онъ говорилъ: «Что должествующая учиниться присяга будетъ ложная, что, будучи христіанской вѣры, давъ клятву, по долгу оной, не должны измѣнять ей; что государь нашъ живъ и... лучше знаетъ, что это обманъ, и что имъ же — нижнимъ чинамъ — будетъ хуже». Такимъ образомъ нижніе чины къ отказу отъ присяги были уже подготовлены. А офицеры, въ большинствѣ, знали о заговорѣ и ему сочувствовали. Потому,

когда экипажъ стали приводить къ присягѣ, и офицеры, и матросы отъ принесенія ея дружно отказались. «Мы не видимъ отреченія императора, — заявилъ при общемъ сочувствіи лейт. Вишневскій, — и потому считаемъ своимъ долгомъ сохранить присягу Константину». Когда слышались первые выстрѣлы съ Сенатской площади, экипажъ выступилъ и присоединился къ москвочамъ и гренадерамъ. — Въ остальныхъ полкахъ присяга прошла благополучно. Въ однихъ солдаты повѣрили объясненіямъ своихъ командировъ или присягнули безъ разсужденій. Въ другихъ сомнѣнія разсѣялъ вел. кн. Михаилъ, съ утра вернувшійся въ столицу. Когда Михаилъ Павловичъ при былъ въ Московскій полкъ, оставшіеся въ казармахъ роты встрѣтили его громкимъ ура. «Какъ же намъ сказали, что Ваше Высочество въ оковахъ?» — кричали солдаты. Михаилъ Павловичъ привелъ ихъ къ присягѣ, построилъ и повелъ къ государю. Другіе полки также, по мѣрѣ присяги, выводились изъ казармъ и стягивались къ Сенатской площади. Планъ дѣйствія Николая Павловича былъ таковъ: вывести всѣ войска изъ казармъ, чтобы не имѣть въ тылу возможнаго непріятели; окружить Сенатскую площадь со всѣхъ сторонъ и этимъ отрѣзать возставшимъ пути отступленія; принудить мятежниковъ къ сдачѣ, по возможности, безъ кровопролитія, Осторожно, но твердо Николай Павловичъ приводилъ планъ въ исполненіе. Полки, одинъ за другимъ, подходили къ площади и занимали указанныя имъ мѣста. Только двѣ роты Финляндскаго полка, не успѣвшія присягнуть и находившіяся подъ командой члена общества поручика Розена, остановились на Исакіевскомъ мосту и отказались итти дальше: «Мы не присягали; худого ничего не дѣлаемъ, по своимъ стрѣлять не будемъ», — отвѣчали солдаты на командъ: «впередъ». Къ часу дня планъ окруженія былъ выполненъ. Середину площади занимало каре возставшихъ. Стороны и выходы — правительственныя войска. Военныхъ дѣйствій никакихъ не происходило. Возставшіе отъ времени до времени стрѣляли изъ ружей, но стрѣляли въ воздухъ или безъ прицѣла, — потому урона противнику почти не наносили. Правительственная кавалерія дважды ходила въ атаку, но безуспѣшно, ибо, — по выраженію очевидца, — атака очень походила на «атакообразную демонстрацію». Среди возставшихъ то и дѣло раздвгались крики: «Ура, Константинъ!» На что близстоящія правительствен-

ная войска отвѣчали: «Ура, Николай!» Многіе изъ присутствующихъ рѣшительно не понимали, что происходитъ. Стоящіе на бульварѣ передъ адмиралтействомъ зрители долго думали, что происходящее на площади — «смотреть». Въ самый разгаръ мятежа ген. Головинъ обратился съ вопросомъ къ принцу Евгению: «Да что же такое происходитъ? Да какого мы ожидаемъ непріятеля?» А ген. Бистромъ, командовавшій всей гвардейской пѣхотой сказалъ принцу: «Будь я проклятъ, если знаю, о чемъ идетъ споръ» Николай Павловичъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, избѣжать кровопролитія и потому съ рѣшительными дѣйствіями медлил. На указанія окружающихъ, что нужна карточка, онъ отвѣчалъ: «Вы хотите, чтобы я пролилъ кровь моихъ подданныхъ въ первый день моего царствованія?» Потому долгое время правительственныя дѣйствія ограничивались попытками мирнаго увѣщеванія возставшихъ. Еще въ самомъ началѣ событій гр. Милорадовичъ подѣхалъ къ цѣпи стрѣлковъ Московскаго полка и пытался говорить съ солдатами. Солдаты слушали молча. Тогда выскочилъ Кюхельбеккеръ и сталъ кричать: «Что вы хотите сдѣлать? Не вѣрьте его словамъ, знайте, что онъ въ качествѣ петербургскаго ген.-губернатора главный виновникъ того, что Константинъ содержится подъ стражей. Убейте его! Наградите его за то, что онъ не хочетъ признать вашего законнаго императора». Пор. Каховскій прицѣлился и выстрѣлилъ. Гр. Милорадовичъ зашатался, смертельно раненый. Позже къ мятежникамъ вышелъ съ крестомъ митрополитъ Серафимъ. Солдаты встрѣтили его почтительно, но, на его увѣщеванія, — какъ рассказываетъ сопровождавшій его дьяконъ Ивановъ, — стали кричать: «Нѣтъ, Константинъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда... Ура, Константинъ!.. Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Не вѣримъ вамъ, подите прочь». Такъ же неудачно окончилась попытка вел. кн. Михаила. «Подѣхавъ къ рядамъ морскаго экипажа, — рассказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — великій князь привѣтствовалъ ихъ обыкновеннымъ начальничьимъ тономъ, и изъ толпы мятежниковъ раздалось дружное: — Здравія желаемъ, Ваше Императорское Высочество! — Что съ вами дѣлается, и что вы это задумали? — спросилъ онъ. И люди стали объяснять, что двѣ недѣли тому назадъ имъ объявили вдругъ о смерти госу-

даря Александра Павловича, когда никто изъ нихъ не слыхалъ еще и про его болѣзнь; потомъ заставили присягнуть государю Константину Павловичу, и они это исполнили безропотно; а, наконецъ, теперь, увѣряя, будто Константинъ Павловичъ не захотѣлъ ихъ присяги и отказался царствовать, заставляють ихъ присягать другому государю.

— Можемъ ли же мы, Ваше Высочество, взять это на душу, когда тотъ государь, которому мы присягнули, еще живъ, и мы его не видимъ. Если ужъ присягой играть, такъ что же послѣ того останется святого?» И, на увѣренія великаго князя, что Константинъ Павловичъ точно по доброй волѣ отрекся отъ престола, отвѣчали:

— Мы готовы вѣрить Вашему Высочеству, да пусть Константинъ Павловичъ самъ придетъ подтвердить намъ свое отреченіе, а то мы не знаемъ даже, и гдѣ онъ».

Споръ между сторонниками двухъ императоровъ рѣшили пушки. Когда стало смеркаться, Николай Павловичъ пришелъ къ заключенію, что тянуть дольше стояніе на площади невозможно. Окружающіе настойчиво твердили ему, что надо спасать имперію. Николай Павловичъ отдалъ приказъ стрѣлять. Но тотчасъ велѣлъ отставить. Вторично командовалъ стрѣльбу и вторично отставилъ. Когда въ третій разъ раздалась команда, выстрѣла не послѣдовало. «Свой, Ваше благородіе», — сказалъ въ полголоса фейерверкеръ офицеру. Офицеръ самъ приложилъ запаль. Картель ударилъ въ середину каре и произвела большое опустошеніе. Слѣдующіе выстрѣлы уже добивали бѣгущихъ. Было убито 70 - 80 человекъ, ранено значительно больше. Кровь на площади быстро замыли. Трупы спустили въ проруби на Невѣ. Къ вечеру въ столицѣ все было спокойно.

Таковъ подлинный характеръ и второго открытаго выступления имперскаго народа — возстанія гвардейскихъ полковъ на Сенатской площади въ декабрѣ 1825 года. Въ немъ не было и тѣни протеста противъ власти. Оно и не помышляло о правахъ и вольностяхъ народа. Гвардейскіе полки встали за царя и законъ. Они защищали святость трона и присяги. Правъ былъ Николай Павловичъ, когда говорилъ, что причина выступления войсковой массы — въ «избыткѣ вѣрноподданничества». Какъ вѣрноподданническая защита законной власти, вошло движеніе и въ сознаніе народа. Когда, на другой день послѣ возстанія,

ген.-ад. Бенкендорфъ заговорилъ о событіи — въ толпѣ на улицѣ — съ однимъ купцомъ, котораго зналъ, какъ чело-вѣка скромнаго и тихаго, тотъ отвѣчалъ со смущеніемъ, что и самъ не знаетъ, какъ ему смотрѣть на него: «вчера вы дрались и сегодня, кажется, снова хотите начать бой; вы присягнули Николаю Павловичу и преслѣдовали солдатъ, оставшихся вѣрными нашему государю; что жъ намъ обо всемъ этомъ думать, и что съ нами будетъ!» Распростра-няясь дальше, слухи о возстаніи приняли обычную снотаску: Константинъ Павловичъ, какъ подобаетъ закон-ному государю, — защитникъ народа; его свергли съ пре-стола и поставили государемъ Николая Павловича измѣн-ники — дворяне. Потому полки и отказались ему прися-гать. Когда Константинъ Павловичъ снова воцарится, кре-стьяне будутъ освобождены отъ крѣпости помѣщикамъ. Согласно народнымъ слухамъ, событія, связанныя съ гвар-дейскимъ возстаніемъ, происходили такъ: когда Сенатъ «назначилъ» Константина Павловича государемъ, то онъ заявилъ: «я теперь хочу невольниковъ освободить всѣхъ». То ему сказали сенаторы: «Воля Ваша, Вы можете по во-лѣ своей невольниковъ избавить». — «Такъ дозвольте под-писаться». И, какъ сенаторы подписались, то Константинъ Павловичъ сказалъ: «Я вамъ положу двойное жалованіе». То сенаторы поняли, насчетъ какихъ невольниковъ ска-зано, и, по уѣздѣ Константина Павловича въ Варшаву, из-брали Николая Павловича и возвели его на престолъ. И стали пригонять къ присягѣ ему. То и сдѣлалось отъ Мо-сковскаго гвардейскаго полка отъ двухъ ротъ въ непо-корности и присягѣ бунтъ, и къ нимъ присовокупились гвардейской артиллеріи солдаты и офицеры и придвор-наго Экипажа команда, а къ нимъ множество всякаго зва-нія людей.. И усилившагося бунту уговаривалъ Николай Павловичъ и, не могши уговорить, приказалъ палить изъ пушекъ. И побили народу очень много, и валили въ рѣку ночью. — Такъ передавала народная молва о прошед-шемъ. А о будущемъ народные слухи предсказывали (въ 1826 г.): «едва ли не отберутъ на весну всѣхъ крестьянъ отъ господъ». Константинъ Павловичъ, «видя.. неустроен-ное въ Россіи варварское на всѣ россійскія простонародіи самовластное и тяжкое притѣсненіе, вознамѣривается, сколько будетъ возможно, поуничтожить оное»; онъ при-детъ со стотысячнымъ войскомъ, отчего «по открытіи весны и наступленіи лѣта ожидаетъ народъ большихъ пе-

ремѣнь». Съ его приходомъ въ Россіи «совсѣмъ будетъ новое, а не это». Господа того опасаются и хотятъ его убить. Въ Польшѣ за Константиномъ «ходятъ пять генераловъ, чтобы его извести». Они уже проникли къ нему и «изранили крѣпко, отчего сдѣлался боленъ и едва ли будетъ живъ». «Если помретъ, то великое смятеніе будетъ. . А, когда живъ будетъ, то сдѣлаетъ все по своему». Теперь же «не государь царствуетъ, а большіе господа». — Правительство преслѣдовало безъ пощады «нелѣпыя» и «безумныя» слухи.

И. Бунаковъ.